

РОН ДЕЙКАР

КОГДА МОЛЧАТ МУЖЧИНЫ

ЧТО ПИСАНИЕ ГОВОРИТ
О МУЖСКОМ РУКОВОДСТВЕ

ПОСТРОЕНО
НА ПИСАНИИ

—
НАПИСАНО
ДЛЯ ВРЕМЕНИ,
А НЕ ДЛЯ МОДЫ

БИБЛЕЙСКИЙ ВЗГЛЯД НА ПОРЯДОК,
ОТВЕТСТВЕННОСТЬ И ПРИЗВАНИЕ МУЖЧИНЫ

Рон Дейкар

**Когда молчат мужчины.
Что Писание говорит о
мужском руководстве**

«Автор»

2026

Дейкар Р.

Когда молчат мужчины. Что Писание говорит о мужском руководстве / Р. Дейкар — «Автор», 2026

Почему мужчины, которые должны брать ответственность, так часто молчат, отступают или прикрывают бездействие разговорами о главенстве? Эта книга исследует, что Библия действительно говорит о мужском руководстве — в семье, церкви и жизни верующего. Автор начинает с Бытия, проходит через историю Израиля, Евангелия и апостольские послания, разбирая трудные тексты без попытки приспособить их к современным ожиданиям. Здесь мужское руководство не представлено как право командовать. Это обязанность первым отвечать, защищать, служить, принимать трудные решения и быть готовым жертвовать собой. Книга также говорит о достоинстве, дарах и важной роли женщин, не сводя равенство к одинаковости. Это честный разговор о порядке, злоупотреблениях властью, пассивности мужчин и цене настоящей ответственности.

Содержание

Введение	5
Порядок начала	9
Народ отцов	18
Сын Человеческий и женщины	27
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Рон Дейкар

Когда молчат мужчины. Что Писание говорит о мужском руководстве

Введение

Эту книгу я начинаю не с желания выиграть спор. Спор о власти между мужчиной и женщиной обычно портит обе стороны. Мужчина быстро становится грубым, женщина быстро становится уставшей от чужой грубости, а читатель, если он не участник церковного собрания, смотрит на всё это и думает: опять они делят места у стола, за которым давно пора было накормить голодных.

Но уйти от вопроса нельзя. Вопрос о руководстве среди народа Божьего никогда не бывает маленьким. Он только с виду похож на вопрос о должностях, кафедрах, собраниях, протоколах, списках служителей и табличках на дверях кабинета. На самом деле он касается того, как мы читаем Писание, как мы относимся к творению, как мы понимаем послушание и как мы называем Бога, когда молимся в пустой комнате и никто не слышит наших слов.

Многие скажут, что эта тема устарела. Что век уже всё решил. Что женщина давно работает, голосует, учит, лечит, судит, управляет, командует, пишет книги, ведёт университеты и страны. И если общество признало её право вести за собой других, то церковь должна перестать отставать. Звучит убедительно, особенно когда вспоминаешь, сколько дурного мужчины сделали, прикрываясь словом «порядок».

Я не собираюсь защищать мужское самодовольство. Оно не нуждается в защите. Оно и так слишком живуче. Мужчина, который громче всех говорит о главенстве, часто просто боится разговора с умной женой или сестрой во Христе. Его власть держится не на зрелости, а на привычке. Такой порядок не похож на библейский. Это не сад, а забор вокруг пустыря.

Но есть и другая опасность. Когда мы видим злоупотребление порядком, нам хочется отменить сам порядок. Так человек, обжжённый о печь, начинает доказывать, что огонь вообще не нужен. В доме после этого холодно, но зато никто больше не обожжётся. Нечто похожее случилось и в церковном споре о мужчине и женщине. Плохое мужское руководство стало доводом против мужского руководства как такового. Обиды стали толкователями Библии. А обида, даже заслуженная, плохой толкователь.

Я пишу как человек, который считает Писание не материалом для украшения своих мыслей, а судом над ними. Если текст меня не устраивает, это ещё не значит, что текст устарел. Возможно, устарела моя гордость. Возможно, я слишком охотно беру из Библии утешение и слишком быстро закрываю её там, где она требует послушания.

Сразу скажу, чего здесь не будет. Здесь не будет рассуждения о том, что женщина ниже мужчины. Такая мысль не только жестока, она небиблейская. Мужчина и женщина стоят перед Богом как люди, созданные по Его образу. У них одна высота призвания, одна нужда в милости, одна цена искупления, один Господь, одна надежда воскресения. Мужчина не ближе к Богу по полу, как и женщина не ближе к Богу по своей чувствительности. Перед Крестом никто не может подняться на цыпочки и сказать: мне видно больше, потому что я родился таким.

Но равная ценность не означает одинаковую задачу. Это простая мысль, но сейчас её приходится произносить осторожно, будто она чем-то неприлична. В повседневной жизни мы спокойно принимаем разные функции без унижения. Глаз не обижает руку тем, что видит. Рука не унижает глаз тем, что берёт. Дом стоит не потому, что все его части одинаковы, а потому, что каждая часть занимает своё место и несёт свою нагрузку.

Конечно, сравнения могут быть слишком лёгкими. Человек не деталь механизма. Мужчина и женщина не винтики в церковной машине. Поэтому я не хочу прятать вопрос в красивой картинке. Речь идёт о живых людях. О девушке, которая любит Бога и ясно мыслит, но слышит от неумного старшего брата, что ей лучше молчать, потому что она женщина. О пасторе, который устал от пассивных мужчин и видит рядом с собой сильных, верных, трудолюбивых сестёр. О жене, которая годами несёт духовную жизнь семьи, пока муж сидит в углу и делает вид, что вера его не касается. О молодом человеке, который слышит слово «руководство» и думает только о правах, но не о распятой ответственности.

Если говорить честно, церковь часто сама вырастила те возражения, которые теперь слышит. Мы слишком долго путали мужское руководство с мужским удобством. Слишком часто говорили женщинам о подчинении и слишком редко мужчинам о жертве. Слишком охотно разрешали мужчинам быть номинальными главами и слишком легко нагружали женщин всей реальной работой. Потом удивились, что женщины начали спрашивать: если мы и так несём дело, почему нам запрещено называться руководителями?

Вопрос справедливый. Но справедливый вопрос ещё не гарантирует верный ответ. Нельзя лечить одну неправду другой. Если мужья не ведут дома, надо не переписать сотворение, а разбудить мужей. Если старейшины ленивы, надо не отменить старейшинство, а выискать с ленивых. Если мужчины в церкви молчат, когда надо учить, молиться и защищать, то грех в их молчании, а не в Божьем замысле.

Мне кажется, весь спор портит одна привычка. Мы начинаем с себя. С наших способностей, ран, историй, успехов, разочарований. Потом идём к Библии и ищем там место для уже принятого решения. Одни ищут стих, которым можно закрыть женщине рот. Другие ищут стих, которым можно закрыть рот апостолу Павлу. И те и другие приходят к тексту не как ученики, а как адвокаты.

Но Писание не даёт себя безопасно использовать. Оно или ведёт нас, или мы рано или поздно начинаем вести его за собой, как старого родственника, которого стыдно оставить дома, но неудобно слушать всерьёз. В церкви это выглядит благочестиво. Мы говорим: времена изменились, культура другая, Дух ведёт дальше, любовь требует нового решения. Иногда эти слова нужны. Но иногда за ними стоит простой отказ поклониться тому, что уже сказано.

В этой книге я буду идти от начала. Не от газетной полемики, не от церковных положений, не от обиды на мужчин и не от страха перед женщинами. От первых глав Бытия. Именно туда возвращались Иисус и апостолы, когда речь заходила о мужчине и женщине. Начало не было для них детской заставкой к настоящей истории. В начале они видели норму, по которой надо судить искривлённую жизнь.

Первое, что мы там встречаем, кажется почти слишком ясным: Бог сотворил человека мужчиной и женщиной. Оба несут Его образ. Оба благословлены. Оба получают повеление плодиться, наполнять землю, владычествовать над творением. Никакого презрения к женщине здесь нет и быть не может. Если мужчина презирает женщину, он презирает образ Божий. Если женщина презирает мужчину, она делает то же самое.

Но рядом стоит второй рассказ, более земной, более близкий, будто камера опустилась с неба в сад. Там мы видим не только человечество, но Адама. Видим поручение, одиночество, животных, имена, сон, ребро, женщину, изумление мужчины и первую человеческую песню. Этот рассказ говорит уже не только о равенстве перед Творцом, но и о порядке внутри человеческой пары. Женщина дана мужчине как помощь, соответствующая ему. Не как рабыня. Не как украшение. Не как младшее существо. Но и не как второй самостоятельный центр, которому не нужно ничего, кроме собственной воли.

Слова о помощи часто понимают плохо. В них слышат унижение, потому что в нашем языке помощник часто стоит ниже начальника. Но в Библии Бог Сам называется помощником. Значит, помощь не унижает. Однако помощь направлена к делу другого. Она предполагает

отношение, а не просто соседство. Женщина создана не после долгих переговоров между равными сторонами, а в ответ на Божье видение мужской нужды и мужского поручения.

Можно спорить, почему Бог устроил именно так. Но нельзя делать вид, будто этого нет. Апостол Павел, когда говорит о порядке в церкви, не ссылается на афинские привычки или на коринфскую моду. Он идёт к сотворению. К тому, что было до греха. Это очень мешает современному читателю, потому что ему хотелось бы списать всё неудобное на патриархальную культуру. Но если апостол связывает порядок не с культурой, а с творением, мы обязаны остановиться.

Дальше встаёт вопрос о грехопадении. Там порядок не исчезает, а искажается. Мужчина начинает властвовать жёстко, женщина начинает желать контроля. Дом превращается в место борьбы. То, что должно было быть направлением и доверием, становится давлением и сопротивлением. И с тех пор история семьи и народа полна этой болезни. Мужчина либо давит, либо отступает. Женщина либо подчиняется из страха, либо берёт власть в свои руки. Иногда всё выглядит спокойно, но под ковром лежит война.

Евангелие не оставляет эту войну как есть. Но оно исцеляет не тем, что стирает различие, а тем, что возвращает различие к святости. Мужчина должен перестать быть хозяином в языческом смысле и стать ответственным главой, который отвечает первым и служит глубже. Женщина должна перестать видеть подчинение как унижение и увидеть в нём свободный ответ Богу, если рядом с ней мужчина, который сам стоит под Господом. Это трудно. Сказать проще, чем жить.

В церкви вопрос становится ещё острее, потому что церковь любит говорить о служении, но легко превращает служение в власть. Кто учит, кто решает, кто ведёт, кто поправляет, кто ставит границы, кто отвечает за чистоту веры и поведения. Всё это нельзя свести к таланту. Самый одарённый человек не всегда поставлен руководить. Дар не отменяет порядок. Пророчица может сказать слово от Бога, и мужчина обязан его услышать. Но это ещё не значит, что она поставлена управлять собранием мужчин.

Здесь многие сразу раздражаются. Им кажется, что если женщине нельзя одно, то ей запрещено всё. Это ложь, которую надо отбросить. В Писании женщины молятся, пророчествуют, принимают Христа в дом, служат Ему своим имуществом, стоят у Креста, первыми слышат весть о воскресении, помогают апостольскому делу, наставляют младших, трудятся больше многих мужчин. Иногда именно женщины оказываются вернее, смелее, зорче. Но верность не всегда выражается в одинаковой должности.

Мне хотелось бы, чтобы читатель не спешил защищаться. Мужчина пусть не использует эти страницы как дубинку. Женщина пусть не читает их как обвинительный акт. Я не пишу против женщин. Я пишу против нашей общей привычки судить Бога по меркам времени. Сегодня время требует взаимозаменяемости. Завтра оно потребует ещё чего-нибудь. Время всегда чего-нибудь требует. Вопрос в том, имеет ли церковь мужество спросить: что сказал Господь?

И ещё одно. Мужское руководство в библейском смысле нельзя принять только как тезис. Его надо увидеть в плоти. Если оно не похоже на Христа, оно не библейское, даже если цитирует правильные стихи. Христос не прятался за властью. Он пришёл первым, взял на Себя тяжесть, говорил правду, принимал ненависть, любил до крови. Мужчина, который требует подчинения, но не желает умирать для себя, просит не библейского порядка, а домашнего удобства.

Поэтому книга будет неприятна всем, кто хочет простого оружия. Она будет неудобна феминистскому духу, потому что не позволит стереть различие. Она будет неудобна мужскому самолюбию, потому что не позволит назвать лень главенством. Она будет неудобна церковной бюрократии, потому что спросит не о званиях, а о Божьем порядке. Но, может быть, именно такая неудобность нам и нужна.

Я не прошу читателя соглашаться заранее. Прошу другого: читать медленно, с открытой Библией и с готовностью признать, что Божий замысел может быть лучше наших лозунгов. Даже тех лозунгов, которые родились из настоящей боли.

Порядок начала

Когда человек хочет оправдать своё настоящее, он редко начинает с начала. Начало слишком упрямо. Оно не знает наших поправок, наших комитетов, наших удачных исключений и наших печальных историй. Оно стоит в стороне от шума и спрашивает: а как было прежде, когда Бог ещё не исправлял человеческие поломки, потому что человек ещё не был сломан?

Вот почему разговор о мужчине и женщине надо начинать не с церковного собрания и не с современной семьи. Там уже слишком много пыли. Мужчина обижен, женщина устала, дети смотрят и делают свои выводы, пастор ищет, кто согласится вести группу, а богословы спорят, какое греческое слово можно повернуть боком, чтобы оно перестало мешать. Всё это придёт позже. Но сначала сад.

Первая глава Бытия говорит широко. Бог творит мир словом. Свет, вода, земля, растения, светила, рыбы, птицы, животные. Всё получает место, границу и имя. Наконец звучит решение, перед которым весь рассказ будто замедляется: сотворим человека по образу Нашему. И человек создаётся мужчиной и женщиной. Не мужчина отдельно как настоящий человек, а женщина потом как добавление к нему. Не женщина как поздняя мысль Бога. Оба входят в слово о Божьем образе.

Это надо произнести без оговорок. Женщина не является менее полным человеком. Её достоинство не выдано ей мужчиной и не может быть отнято мужчиной. Оно идёт от Творца. Мужчина может признать его или согрешить против него, но создать его он не может. В этом смысле всякое презрение к женщине есть богословская ошибка раньше, чем социальная грубость.

Но то же самое надо сказать и о мужчине. В наше время нередко борются не с мужским грехом, а с самой мужественностью. Слово «мужчина» произносят так, будто в нём уже спрячено обвинение. Это тоже бунт против Бытия. Бог не создал неопределённого человека, которому общество потом выдало случайные роли. Он создал мужчину и женщину. Пол не приклеен к человеку снаружи. Он входит в человеческий способ быть перед Богом, перед другим человеком и перед миром.

В первой главе оба получают благословение. Оба слышат повеление плодиться и владеть, владеть. Оба поставлены над землёй как Божьи представители. Здесь нет борьбы полов. Нет жалкого вопроса, кто главнее, как бывает за семейным столом, когда двое взрослых уже не разговаривают, а считают очки. В Божьем слове мужчина и женщина вместе получают задачу, которая больше их обоих.

Однако первая глава не говорит всего. Библия часто ставит рядом два рассказа, чтобы мы не сделали из одной правды целую систему. Если читать только первую главу, легко сказать: раз оба созданы по образу Божьему и оба получают общее поручение, значит, все функции полностью взаимозаменяемы. Это звучит аккуратно. Но аккуратность ещё не верность. Вторая глава Бытия не отменяет первую, но заставляет её читать глубже.

Во второй главе всё становится ближе. Уже не широкая картина творения, а земля, сад, человек, дыхание жизни, деревья, заповедь, одиночество. Мужчина появляется как конкретный Адам. Ему поручают сад. Ему дают заповедь о дереве. Он видит животных и даёт им имена. И среди всего живого не находится помощника, соответствующего ему.

Эта сцена важнее, чем принято думать. Бог мог создать мужчину и женщину одновременно, из одной земли, поставить рядом и сказать: разбирайтесь между собой. Но рассказ говорит иначе. Мужчина создан первым. Ему дано поручение до появления женщины. Он ощущает нужду не потому, что Бог ошибся, а потому что Бог хотел, чтобы он понял: одному нехорошо. Не потому что мужчина хуже женщины и не потому что женщина спасает его от неполноты как

богиня домашнего очага. А потому что Божий замысел о человеке включает общение, помощь и различие.

Потом Бог наводит на Адама сон. Женщина создаётся из его стороны. Не из головы, чтобы властвовать над ним. Не из ступни, чтобы он топтал её. Эти слова часто повторяют, и в них есть смысл, хотя сам текст так не объясняет. Но он говорит достаточно: женщина не взята из земли отдельно, как новое существо без связи с мужчиной. Она взята от него и приведена к нему. Между ними с самого начала есть связь, происхождение, узнавание.

Реакция Адама поразительна. Он не читает лекцию о своих правах. Он поёт, если говорить просто. Вот кость от костей моих и плоть от плоти моей. Впервые человек встречается того, кто не ниже его как животное и не выше его как Бог, а напротив него, рядом, подобен и иной. Это радость узнавания. Мужчина видит женщину не как рабочую силу и не как угрозу, а как родную.

Но он называет её. В Писании название не случайная вещь. Бог называет свет днём, тьму ночью, твердь небом. Человек называет животных. Имя связано с распознаванием и властью. Когда Адам говорит «женщина», он не просто подбирает удобное слово. Он действует как тот, кому поручено понимать и называть мир перед Богом. Позже он назовёт её Евой. И снова это будет не бытовая мелочь, а знак ответственности.

Современному человеку здесь становится неловко. Он привык слышать слово «власть» как начало насилия. И часто его опыт подтверждает такой страх. Но в Бытии до грехопадения власть ещё не испорчена. Руководство не означает грубого нажима. Порядок не означает унижения. Если мы не поймём этого, мы будем всё время читать рай глазами изгнанников.

Мужчина в саду не получает разрешения быть тираном. Он получает ответственность быть первым отвечающим. Это большая разница. Тиран спрашивает: что мне позволено? Ответственный спрашивает: за что я отвечаю перед Богом? Тиран хочет, чтобы его слушались. Ответственный сначала слушает Самого Господа. Тиран прячется за должность. Ответственный выходит вперёд, когда опасно.

Именно поэтому разговор о мужском руководстве надо очистить от мужской гордости. Если мужчина слышит о первенстве Адама и тут же радуется, что теперь ему легче командовать, он ничего не понял. Первенство в Библии чаще означает не кресло, а тяжесть. Первенец отвечает за дом. Пастырь отвечает за овец. Учитель отвечает за слово. Муж отвечает за жену не как владелец, а как тот, кто не имеет права бросить её одну перед змеем.

В этом месте кто-нибудь скажет: но ведь слово «помощник» не делает женщину подчинённой. Верно. Сам Бог называется помощником Своего народа. Если помощь унижает, тогда мы сказали бы страшную глупость о Боге. Женщина как помощник не ниже мужчины. Но помощь всё же имеет направление. Она связана с задачей, которая уже дана мужчине. Это не случайное соседство двух независимых проектов. Это совместное служение, где различие не стирается.

Здесь полезно остановиться на простой домашней картине. Мужчина и женщина могут вместе строить дом. Оба устают. Оба вкладываются. Оба имеют право сказать: это наш дом. Но если в трудный момент никто не отвечает за решение, дом не строится, а обсуждается. Если каждый вопрос превращается в голосование, семья скоро устанет. Если один давит, другой ожесточается. Если один всё время уступает из слабости, другой берёт на себя чужую ношу и тоже портится. Порядок нужен не для красоты схемы, а чтобы любовь не тонула в бесконечной борьбе воль.

До греха этот порядок был мирным. Мы почти не можем представить себе такую власть, потому что видели слишком много испорченной. Наши слова заражены опытом. «Подчинение» звучит как потеря лица. «Глава» звучит как начальник с тяжёлой рукой. «Помощь» звучит как второе место. Но в саду эти слова ещё не пахнут страхом. Там различие не ранит.

Потом приходит змей. Он говорит не с Адамом, а с женщиной. Почему? Текст не объясняет подробно, но дальнейшая история показывает, что это не случайность. Змей бьёт по порядку. Он не просто предлагает съесть плод. Он предлагает женщине действовать самостоятельно в вопросе, где слово Божье было дано Адаму до её появления. Он втягивает её в богословский разговор без мужа и против Бога.

Женщина отвечает. В её ответе есть знание заповеди, но есть и смещение. Змей продолжает. Он не начинает с грубой команды: восстань. Он начинает с сомнения: подлинно ли сказал Бог? Это старая и очень умная тропа. Прежде чем человек нарушит заповедь руками, он обычно ослабляет её в голове. Заповедь перестаёт быть словом Отца и становится темой для обсуждения.

Женщина видит, что дерево хорошо для пищи, приятно для глаз и вожделенно, потому что даёт знание. Она берёт и ест. Потом даёт мужу, и он ест. В этой короткой строке вся трагедия. Мужчина рядом. Он не отсутствует в далёком поле. Он не возвращается вечером и узнаёт, что всё уже случилось. Он принимает плод. Он не останавливает, не спрашивает, не защищает, не отвечает. Он следует за той, кого должен был вести.

Иногда на женщину возлагают всю вину за падение. Это удобно для плохой мужской совести. Но апостол Павел, говоря о входе греха в мир, указывает на Адама. Через одного человека грех вошёл в мир. Не потому что Ева была невиновна. Она согрешила. Но Адам нёс ответственность первого. Он получил заповедь. Он должен был хранить сад. Он должен был быть там, где слово Божье подвергалось нападению.

Вот первая картина мужского греха: не грубость, а безмолвие. Мы часто представляем падшего мужчину как того, кто кричит и ломает. Да, такое бывает. Но раньше стоит другой мужчина, тихий, уступчивый, удобный, который не хочет конфликта и поэтому отдаёт змее разговор. Он может потом обвинить женщину. Он так и сделает. Но обвинение не отменяет его отступления.

Бог приходит и зовёт Адама. Не потому что Бог не знает, где женщина. А потому что порядок ответственности не исчез после греха. Первый вопрос звучит мужчине: где ты? Это страшный вопрос для всякого мужа, отца, пастыря, учителя. Где ты, когда в доме искажают Божье слово? Где ты, когда жена несёт духовную тяжесть одна? Где ты, когда дети учатся вере у матери, а от тебя слышат только усталое молчание? Где ты, когда церковь ищет мужчин, готовых не спорить о власти, а отвечать за людей?

Адам отвечает плохо. Он прячется за женщину и почти за Бога: жена, которую Ты мне дал. В одной фразе сразу две попытки уйти от вины. Женщина виновата, и Ты, Господи, тоже как будто причастен, потому что дал её мне. Так мужская пассивность превращается в мужское обвинение. Сначала он не ведёт. Потом обвиняет ту, за кем пошёл.

Женщина тоже отвечает не покаянием в чистом виде. Змей обольстил меня. Это правда, но правда, сказанная как прикрытие, всё равно не лечит сердце. Каждый участник падения указывает на другого. Никто не говорит просто: я согрешил. С этого начинается мир, в котором мы живём. Мир объяснений, оправданий, взаимных упрёков и очень редкого покаяния.

Наказание показывает, где была повреждена жизнь. Мужчина услышит о земле, труде, поте, тернии и смерти. Его задача была связана с садом, и теперь земля станет сопротивляться. Женщина услышит о деторождении и муже. Её боль увеличится, а отношение к мужу будет заражено желанием управлять, в то время как он будет властвовать над ней. Здесь не вводится добрый порядок. Здесь описывается испорченный порядок.

Это место читают по-разному, но жизнь сама подтверждает его с жестокой точностью. Женщина хочет контролировать мужчину, потому что больше не доверяет ему. Мужчина давит женщину, потому что больше не умеет вести её в любви. Оба хотят безопасности, но добывают её греховными средствами. Она пытается подчинить его себе. Он пытается подчинить её силой,

словом, деньгами, религиозной цитатой, молчанием, иногда кулаком. Это уже не райское главенство. Это борьба после изгнания.

Поэтому нельзя брать слова о мужском владычестве после грехопадения и делать из них норму. Мужчина, который говорит: «Библия сказала, что я буду властвовать», читает приговор как разрешение. Это всё равно что радоваться терниям на поле и считать их Божиим идеалом земледелия. Тернии реальны, но земледелец не поклоняется им. Он трудится против них. Так и христианский муж не должен оправдывать грубое владычество. Он должен вернуться, насколько возможно в искупленной жизни, к порядку до греха.

Но нельзя сделать и обратную ошибку. Раз мужское владычество после падения греховно, значит, всякое мужское руководство греховно. Нет. Искажено не значит отменено. Земля проклята, но труд не отменён. Рождение стало болезненным, но материнство не стало злом. Отношения мужчины и женщины повреждены, но различие не стало ошибкой. Искупление не стирает творение, оно его лечит.

Здесь лежит главная трудность для современной мысли. Ей легче выбрать одно из двух. Или полное равенство как взаимозаменяемость, или грубая иерархия как превосходство. Библия не даёт ни того, ни другого. Она говорит о равной ценности и различной ответственности. О совместном образе Божьем и реальном порядке. О женщине как славе, а не собственности. О мужчине как главе, а не хозяине в языческом смысле.

Такой парадокс раздражает. Его трудно превратить в лозунг. Он плохо помещается на плакат. Но жизнь редко помещается на плакат. В браке, семье, церкви, воспитании, молитве и служении различие мужчины и женщины постоянно возвращается, даже когда его официально запрещают замечать. Можно принять закон, по которому все роли открыты всем. Но закон не создаст отцов. Закон не научит мужей отвечать. Закон не даст матерям покоя. Закон не объяснит мальчику, что его сила дана не для самоутверждения, а для защиты. Закон не объяснит девочке, что её достоинство не зависит от того, удалось ли ей занять мужское место.

Бытие говорит глубже закона. Оно говорит о природе Божьего замысла. Человек не сам придумал быть мужчиной и женщиной. Это не общественный договор. Это слово Творца о нас. И когда общество начинает обращаться с полом как с сырьём для переделки, оно неизбежно приходит к усталости. Потому что человеку трудно долго жить против собственной формы.

Теперь надо сказать о первом и втором рассказе вместе. Если читать только вторую главу без первой, можно прийти к презрению к женщине. Так бывало. Мужчины выбирали порядок и забывали образ Божий. Женщину признавали нужной, полезной, домашней, но не равной перед Господом. Такое чтение рождает угрюмые дома, где внешняя тишина покупается внутренним унижением. Это грех.

Если читать только первую главу без второй, можно прийти к отрицанию различия. Так тоже бывает. Люди говорят об образе Божьем, благословении и общем поручении, но не хотят слышать о первенстве Адама, о помощнице, о назывании, о связи порядка с творением. Такое чтение рождает другой беспорядок, более вежливый, но не менее опасный. В нём все равны настолько, что никто ни за что не отвечает первым.

Библия держит обе главы рядом. Мы не вправе разнимать их, как супругов после ссоры, чтобы жить только с тем, кто нам больше нравится. Первая глава защищает женщину от унижения. Вторая защищает порядок от растворения. Первая говорит мужчине: она несёт образ Божий, не смей обращаться с ней как с вещью. Вторая говорит женщине и мужчине вместе: различие не случайно, не стирай его ради модного спокойствия.

В христианском споре часто звучит стих из Послания к Галатам: нет мужского пола и женского, ибо все вы одно во Христе Иисусе. Его любят цитировать как конец всякой разницы. Но апостол не мог иметь в виду, что во Христе исчезли мужья и жёны, отцы и матери, сыновья и дочери. В других письмах он спокойно даёт разные наставления мужьям и жёнам. Он не забыл,

что написал галатам. Он просто говорил там о наследии обетования, а не о распределении всякой ответственности в семье и церкви.

Во Христе женщина не получает второсортное спасение. Раб не получает рабское спасение. Язычник не получает дальнейшее спасение. Все, кто во Христе, наследуют благословение, обещанное Аврааму. Это великая новость. Но она не превращает жену в мужа и мужа в жену. Благодать не делает творение бесформенным.

Когда человек путает эти вещи, он начинает требовать от Евангелия того, чего Евангелие не обещало. Он хочет, чтобы искупление отменило все различия, которые ему кажутся опасными. Но Бог не спасает нас от того, что Сам создал добрым. Он спасает нас от греха, который исказил добро. Женщина не нуждается в спасении от женственности. Мужчина не нуждается в спасении от мужественности. Оба нуждаются в спасении от гордости, страха, похоти, пассивности, властолюбия и неверия.

Возьмём обычную церковную ситуацию. Есть община, где женщины зрелее мужчин. Они раньше приходят на молитву, лучше знают людей, вернее служат, меньше ищут признания. Мужчины в это время заняты работой, усталостью, футболом, разговорами о политике и своей вечной неготовностью. Руководитель смотрит на общину и думает: кого ставить вести? По человеческому расчёту ответ очевиден. Но если Писание связывает руководство мужчин с порядком творения, то слабость мужчин не может стать основанием для отмены порядка. Она становится основанием для покаяния и обучения мужчин.

Это звучит несправедливо для женщин, которые уже готовы трудиться. Но в церкви многое звучит несправедливо, пока мы смотрим только на способности. Юноша может быть красноречивее старца, но не всё решает красноречие. Человек может быть умнее пастыря, но не всякий ум даёт право пасти. Пророк может получить слово, но не всегда он управляет народом. Бог раздаёт дары свободно, а порядок устанавливает мудро. Дар и порядок не враги, но дар не имеет права презирать порядок.

Это не значит, что женщина должна исчезнуть из церковной жизни. Напротив, когда мужское руководство становится библейским, женское служение обычно не сжимается, а раскрывается. Плохие мужчины боятся сильных женщин. Зрелые мужчины благодарят Бога за них. В Писании сильные женщины не редкость. Они молятся, пророчествуют, принимают решения, рискуют, служат деньгами, домом, словом, заботой, мудростью. Но сила женщины не обязана выражаться в том, чтобы занять место отца в Божьем доме.

Тут нужно быть точным. Запрет на руководство над мужчинами не равен запрету мыслить, говорить, служить, учить детей, наставлять женщин, пророчествовать, свидетельствовать, помогать в миссии, распоряжаться имуществом, заниматься делами милосердия, принимать участие в церковной жизни. Иногда те, кто защищает мужское руководство, сами сужают служение женщин до кухни и детской комнаты, а потом удивляются, что их не слушают. Библия шире такого быта.

Но и сторонники полной взаимозаменяемости часто делают нечестный ход. Они берут настоящие примеры женского служения и делают из них вывод о женском старейшинстве или учительской власти над собранием. Это скачок, а не толкование. Если Прискилла вместе с мужем объяснила Аполлосу путь Божий точнее, это не то же самое, что она стала пресвитером над церковью. Если дочери Филиппа пророчествовали, это не то же самое, что они управляли общиной. Если женщины первыми возвестили ученикам воскресение, это не то же самое, что Христос поставил их апостолами основания.

Мы должны уважать точность текста. Писание не бедно. Оно могло бы сказать иначе, если бы хотело. Христос мог выбрать шесть мужчин и шесть женщин в число Двенадцати. Это было бы сильнейшим знаком нового порядка. Он не боялся нарушать человеческие обычаи. Он разговаривал с женщинами, принимал их служение, защищал их от презрения, открывал

им истину, позволял им следовать за Собой. Но Двенадцать были мужчинами. Случайностью это назвать трудно.

Кто-то скажет: Он просто учитывал культуру. Но разве Христос был рабом культуры? Он исцелял в субботу, касался нечистых, обличал фарисеев, говорил с самарянкой, позволял грешнице плакать у Своих ног. Он не строил Царство на осторожности перед общественным мнением. Если бы воля Отца состояла в том, чтобы поставить женщин в основание руководства церкви, трудно поверить, что страх перед обычаями остановил бы Сына Божьего.

Значит, начало продолжается. Не в виде ветхозаветной грубости, не в виде раввинского презрения, не в виде мужского клуба, где женщины допускаются только к работе без голоса. Но в виде Божьего порядка, который проходит через творение, падение, Израиль, служение Христа и апостольское учение. Этот порядок можно исказить. Его искажали много раз. Но злоупотребление не отменяет употребление.

В этом месте полезно спросить мужчин: готовы ли вы к тому, что утверждаете? Не в споре, а в жизни. Готовы ли вы первыми каяться? Первыми вставать на молитву? Первыми защищать слабых? Первыми учиться Писанию, чтобы жена не была вынуждена тащить духовную жизнь семьи одна? Готовы ли вы нести тяжёлые разговоры с детьми, а не оставлять их матери? Готовы ли вы в церкви быть не почётными зрителями, а теми, кто отвечает за чистоту учения, мир, дисциплину и милость?

Если нет, лучше не произносить слово «глава» слишком громко. Оно осудит вас. В Библии глава не украшение тела. Через голову тело получает направление. Если голова спит, тело страдает. Если голова больна, тело мучается. Мужчина, который требует уважения к своему положению, но не даёт дому и церкви трезвого направления, похож на сторожа, который носит ключи, но не выходит к воротам, когда пришёл вор.

Женщинам тоже надо задать трудный вопрос. Готовы ли вы доверить Богу порядок, который может быть для вас болезненным из-за чужих грехов? Не доверить каждому мужчине просто потому, что он мужчина. Это было бы глупо. Не молчать перед насилием и ложью. Это было бы греховно. А именно доверить Богу, что Его замысел о различии не является унижением. Что не всякое первое место есть лучшее место. Что служение может быть великим без власти над мужчинами. Что сила может проявляться в верности, а не только в руководстве.

Я понимаю, как легко это сказать мужчине. Женщина может ответить: ты бы иначе говорил, если бы веками тебя не заставляли молчать. Возможно. Поэтому мужчина, пишущий на эту тему, должен говорить с осторожностью, но осторожность не должна стать предательством текста. Если Писание говорит, я не имею права извиняться за Бога. Я имею право извиниться за мужчин, которые прикрывали свои грехи Его именем. И таких извинений нужно много.

Одна из бед этого спора в том, что он редко ведётся в присутствии реального Креста. Мы обсуждаем права, возможности, должности, признание. А Крест спрашивает иначе: кто готов умереть? Мужское руководство без Креста становится властью язычников. Женское освобождение без Креста становится борьбой за самость. Община без Креста выбирает тех, кто удобнее закрывает вакансии. Но Церковь рождается не из вакансий. Она рождается из Господа, Который отдал Себя.

Если мужчина говорит о главенстве, пусть смотрит на Христа, Который омыл ноги. Если женщина говорит о свободе, пусть смотрит на Марию, которая сказала: да будет мне по слову твоему. Если община говорит о порядке, пусть смотрит на апостолов, которые не придумали Церковь заново под давление века, а передали то, что приняли. Тогда спор станет менее шумным и более страшным. Потому что речь пойдёт уже не о том, кто прав в дискуссии, а о том, кто послушен.

Начало говорит нам три вещи. Первое: мужчина и женщина равны перед Богом как носители Его образа. Второе: они различны не только телом, но и призванием в отношениях. Третье: грех превратил различие в борьбу, и только искупление может вернуть ему красоту. Если

потерять первое, мы придём к унижению женщины. Если потерять второе, мы придём к беспорядку под именем равенства. Если забыть третье, мы будем наивно думать, что правильная схема сама сделает нас святыми.

Правильная схема не спасает. Но неверная схема тоже не помогает святости. Бог дал не только заповедь любить, но и форму, в которой любовь учится быть верной. Мужчина и женщина не враги, не конкуренты и не две версии одного и того же существа. Они созданы друг для друга, перед Богом и под Богом. Когда это принимается смиренно, дом перестаёт быть полем боя. Когда это отвергается, бой продолжается, даже если стороны называют его прогрессом.

Мы живём уже не в саду. Это правда. Но Писание начинает с сада не для тоски, а для ориентира. Человек, который заблудился, нуждается не только в описании болота, где он стоит, но и в знании дороги, с которой ушёл. Бытие показывает эту дорогу. Она не льстит ни мужчине, ни женщине. Она возвращает обоих к Творцу. И потому разговор о руководстве надо начинать именно там, где человек впервые услышал Божье благословение и впервые получил своё различие как дар.

Нам придётся ещё не раз возвращаться к этому различию между даром и добычей. Дар принимают с благодарностью. Добычу защищают зубами. Мужчина, который получил руководство как дар и поручение, не будет метаться всякий раз, когда рядом с ним сильная женщина. Он не обязан уменьшать её, чтобы самому казаться выше. Женщина, которая получила свою женственность как дар, не будет считать всякое отличие от мужской роли поражением. Она не обязана становиться вторым мужчиной, чтобы доказать, что она человек.

Но после грехопадения почти всё превращается в добычу. Мужчина добывает уважение. Женщина добывает признание. Семья добывает покой через молчание. Церковь добывает эффективность через уступки духу времени. И каждый уверяет себя, что иначе нельзя. Библия же снова и снова возвращает нас к более простому и более трудному пути: принять от Бога то, что Он дал, и отвечать за это перед Ним.

Если бы вопрос решался только способностями, спор был бы коротким. Многие женщины способны руководить лучше многих мужчин. Это факт, и только слепой станет его отрицать. Но в Царстве Божьем способность никогда не была единственным основанием назначения. Саул был выше всех ростом, но высота не сделала его верным. Давид был младшим, но Бог видел сердце. Призвание не сводится к природным данным. Оно связано с Божьим порядком, Божьим выбором и Божьим судом.

Мужчине это особенно неприятно, потому что он не может оправдаться одним полом. Быть мужчиной ещё не значит быть готовым вести. Это только значит, что с тебя спросят как с мужчины. Пол не заменяет характера. Первенство Адама не спасло его от падения, наоборот, сделало его вину тяжелее. Поэтому всякое учение о мужском руководстве, которое не усиливает ответственность мужчин, а только расширяет их права, уже сбилось с дороги.

Женщине тоже неприятно слышать, что дар не всегда открывает любую дверь. В современной душе это звучит как несправедливость. Мы привыкли думать: если я могу, значит, мне должны позволить. Но христианская жизнь полна добровольного ограничения. Человек может иметь право на многое и не пользоваться правом ради Господа. Апостол мог брать содержание и отказывался. Верующий может есть мясо и не есть ради брата. Свобода в Новом Завете не всегда расширяет пространство действия. Иногда она даёт силу не делать того, что ты мог бы сделать.

И всё же ограничение без чести становится унижением. Поэтому церковь, признающая мужское руководство, обязана с особой ревностью чтить женское служение. Не на словах, не букетом один раз в год, не благодарностью за чай, а настоящим признанием духовного труда. Там, где сёстры молятся, несут милость, наставляют, пророчествуют, поддерживают миссию,

принимают людей в дома, учат детей и молодых женщин, церковь должна видеть не запасной персонал, а дары Христовы.

Такой взгляд требует от пастырей труда. Проще запретить всё, чем различать. Проще разрешить всё, чем различать. Запретить всё можно одной фразой. Разрешить всё можно другой фразой. А различать надо с Библией, молитвой, знанием людей, терпением и готовностью объяснять. Руководство мужчин не освобождает мужчин от мышления. Скорее наоборот, оно требует от них думать больше, молиться дольше и слушать внимательнее.

В первой главе Бытия Бог благословляет мужчину и женщину вместе. Во второй Он показывает порядок их отношений. В третьей становится ясно, как быстро благословение и порядок могут быть испорчены неверием. Эти три главы уже содержат почти весь будущий спор. Если бы мы читали их без желания победить, мы меньше кричали бы друг на друга и больше боялись бы собственного греха.

Есть ещё одна причина начинать с Бытия. Там Бог говорит о мире до учреждений. Нет храма, синагоги, церковного совета, семинарии, рукоположения, кафедры. Есть Бог, человек, заповедь, труд, женщина, брак, змей и грех. Значит, вопрос о мужчине и женщине глубже церковной должности. Церковная должность только проявляет то, что уже заложено в творении. Если мы ошиблись в основании, все этажи будут спорить между собой.

Поэтому нельзя сводить тему к вопросу: может ли женщина занимать такую-то позицию? Это поздний вопрос. Раньше надо спросить: что такое мужчина? что такое женщина? что Бог дал им вместе? что дал различно? что грех сделал с их отношением? что Христос восстанавливает? Только после этого можно говорить о кафедре, старейшинах, домашней группе или миссионерской команде.

Когда этот порядок вопросов нарушается, ответ почти всегда получается готовым заранее. Человек смотрит на одарённую женщину и говорит: конечно, можно. Или смотрит на неприятную современность и говорит: конечно, нельзя. Но христианин не должен отвечать словом «конечно» там, где апостолы отвечали ссылкой на творение. Надо терпеть медленность Писания. Оно не обязано бежать за нашей тревогой.

И всё же медленность не означает бездействие. Если в общине мужчины слабы, надо начинать с них. Не ругать женщин за силу, а учить мужчин верности. Не закрывать служение сестёр, а открывать им библейские пути труда. Не назначать женщин на места отцов потому, что отцы устали, а будить отцов. Это длиннее. Это тяжелее. Это не даёт быстрых отчётов. Но церковь вообще редко строится быстрыми отчётами.

Самые трудные перемены начинаются не с решений собрания, а с покаяния в домах. Мужчина берёт Библию не для спора, а чтобы учиться. Жена перестаёт презирать его слабость и начинает молиться без тайного торжества над ним. Пастырь перестаёт использовать активных женщин как замену отсутствующим мужчинам. Старшие сёстры получают настоящее поле для наставления младших. Молодые мужчины слышат не только запрет на блуд, но и призыв стать ответственными людьми. Тогда слова о порядке начинают обрывать плоть.

Без этого всё останется на бумаге. Можно написать прекрасное положение о мужском руководстве, а в реальности церковь будет жить на женской верности и мужском символическом присутствии. Можно принять равноправный устав, а в реальности получить усталых женщин, которые взяли на себя ещё больше, и мужчин, которые окончательно поняли, что без них всё обойдётся. Бумага терпит обе ошибки. Люди нет.

Бог начинает не с бумаги. Он начинает с человека, которого ставит в сад. Потом приводит к нему женщину. Потом даёт им слово. Потом спрашивает с них за это слово. Этот порядок прост, но в нём больше мудрости, чем в наших попытках заново изобрести человеческую природу.

Если читатель пока не согласен, пусть хотя бы не спешит. Дальше придётся пройти через историю Израиля, через отношение Иисуса к женщинам, через апостольскую практику и труд-

ные слова Павла. Но первая глава уже задала направление. Не потому, что она ответила на каждый современный вопрос, а потому что она показала, откуда вообще берётся человеческое различие. Оно не из страха. Не из мужского заговора. Не из древнего невежества. Оно из Божьего творческого слова.

И если это так, то спор о руководстве перестаёт быть спором о том, кого мы ценим выше. Мы не ставим мужчину выше женщины. Мы ставим Божий замысел выше наших обид и привычек. Иногда этот замысел будет обличать мужчин. Иногда женщин. Чаще всего всех сразу. Это хороший знак. Писание, которое всегда подтверждает только мою сторону, скорее всего, уже перестало быть Писанием в моих руках и стало зеркалом моего лица.

Начало не решает за нас всех практических трудностей. Оно не говорит, как устроить расписание служений в маленькой общине, где трое мужчин и двадцать семь женщин. Оно не объясняет каждый пограничный случай. Но оно ставит столбы, между которыми надо искать дорогу. Убери столбы, и дорога станет шире. Только неизвестно, куда она приведёт.

Народ отцов

После сада начинается история людей, которые уже не живут в саду, но всё ещё несут в себе память о нём. Они не всегда могут назвать эту память правильно. Иногда она прячется в браке, иногда в стыде, иногда в тоске по дому, которого человек никогда не видел, но почему-то узнаёт, когда слышит о мире с Богом. Порядок начала не исчезает. Он идёт через пыль, кровь, родословия, шатры, города, жертвенники, семейные ссоры и долгие годы ожидания.

Если первая глава нашей книги говорила о творении, то теперь надо смотреть на народ, который Бог начал собирать среди падшего мира. Не на идеальный мир, где мужчина и женщина ещё не прятались друг от друга. На обычный мир, где брат убивает брата, муж боится сильного царя, жена смеётся над обещанием, служанка становится причиной домашней боли, сыновья продают брата, а праведники иногда выглядят так, что за них стыдно.

И всё же именно в этой истории Бог открывает Себя как Бог Авраама, Исаака и Иакова. Уже само это имя звучит для современного уха вызывающе. Почему не Бог Авраама и Сарры, Исаака и Ревекки, Иакова и Рахили? Разве женщины не были в этих историях? Были, и ещё как. Без них сама история обетования стала бы невозможной. Но заветная линия названа через отцов. Не потому что матери не важны, а потому что Бог строит Свой народ патриархально. Это слово сейчас почти ругательное. В Библии оно просто описывает порядок.

Надо сразу очистить это слово от грязи, которую к нему прилипили люди. Патриархальность в Писании не означает, что мужчина имеет право делать всё, что захочет. Если читать Бытие внимательно, мужчины там часто выглядят не слишком торжественно. Авраам боится и дважды подвергает жену опасности. Исаак повторяет его слабость. Иаков обманывает и сам обманут. Иуда идёт к женщине, которую принимает за блудницу. Библия не покрывает мужской грех благочестивой краской. Она показывает его почти безжалостно.

Но при всей этой честности линия ответственности остаётся мужской. Род, имя, наследие, обрезание, благословение, первенство, жертвенное представительство, старшинство, власть в доме, всё это в истории Израиля несут мужчины. Женщины действуют, верят, страдают, вмешиваются, спасают, иногда видят яснее мужчин. Но народ Божий в своём устройстве остаётся народом отцов.

Может быть, именно здесь современный читатель впервые по-настоящему начинает спорить с текстом. Сотворение ещё можно было принять как красивую богословскую основу. Но патриархальный строй Ветхого Завета легко списать на древнюю культуру. Нам говорят: так жили все народы, Израиль просто не мог сразу подняться выше своего времени. Бог терпел старые формы, пока люди не созрели для полного равенства.

В этой мысли есть доля правды, но только доля. Бог действительно терпел многое из-за человеческой жёсткости. Сам Господь Иисус скажет это о разводе. Но одно дело терпеть греховные уступки, другое, строить через них заветную историю так последовательно, что потом апостолы будут обращаться к ней как к основанию для церковного порядка. Если патриархальность Израиля была всего лишь временной культурной оболочкой, странно, что Новый Завет не снимает её так же явно, как снимает обрезание язычников или пищевые ограничения.

Посмотрим на Авраама. Бог зовёт его из земли отцов и даёт обещание. Обещание касается земли, потомства, благословения для народов. Сарра не стоит в стороне от этого обещания. Без её чрева сын обетования не родится. Но Бог обращается к Аврааму как к главе заветного дома. Он получает знак обрезания, знак, который может быть дан только мужскому телу. Это не случайная деталь. Завет входит в историю через мужскую линию, хотя исполняется без женской верности он не может.

Сарра смеётся, когда слышит обещание. Авраам тоже смеялся раньше, и это полезно помнить тем, кто любит объяснять женскую слабость как особую склонность к неверию. Бытие

не даёт такой дешёвой схемы. Смеются оба. Сомневаются оба. Ошибаются оба. Но когда возникает вопрос заветной ответственности, Бог снова говорит с Авраамом. Даже там, где Сарра права насчёт Измаила, Бог велит Аврааму послушать её голос, но делает это как Господь, обращающийся к ответственному главе.

Эта сцена многое проясняет. Женщина может быть права. Мужчина может быть медленнее, мягче там, где нужна твёрдость, или просто связан чувствами. Бог может сказать мужчине: послушай жену. Это не разрушает порядок. Напротив, показывает его зрелую форму. Руководство не означает, что мужчина всегда умнее. Оно означает, что он отвечает за то, как будет принято и исполнено Божье слово. Глупый муж думает, что быть главой значит никогда не учиться у жены. Мудрый знает, что Бог нередко спасает мужчину от его слепоты через женщину.

Ревекка в истории Исаака и Иакова действует ещё решительнее. Она слышит слово о двух сыновьях: старший будет служить младшему. Потом, когда Исаак хочет благословить Исава, Ревекка вмешивается и направляет Иакова на обман. Перед нами трудный узел. Божье избрание было на стороне Иакова, но путь, которым Ревекка добивается результата, несёт запах человеческой хитрости. Библия не говорит нам хлопать ей. Но она и не позволяет забыть, что именно женщина хранила в памяти пророческое слово, пока мужчина шёл за вкусом любимой еды и привязанностью к старшему сыну.

Снова мы видим не простую схему. Мужчина формально стоит во главе дома, но может быть духовно рассеян. Женщина может помнить Божье слово яснее. И всё же последствия её способа действия тяжелы. Иаков бежит из дома. Ревекка, похоже, больше не увидит любимого сына. Там, где порядок нарушается даже ради правильного результата, дом платит цену.

История Иакова дальше показывает, что патриархальный дом не является раем. В нём много боли. Лия нелюбима, Рахиль бесплодна, служанки втянуты в борьбу жён, дети становятся участниками соперничества матерей. Мужчина, который должен был хранить дом, сам часто оказывается пленником своих желаний и слабостей. Но из этого беспорядка Бог всё же выводит двенадцать колен. Он работает не потому, что человеческая семья чиста, а потому что Его обетование верно.

Здесь надо быть осторожным. Библейское описание не всегда является библейским одобрением. То, что у патриархов было несколько жён, не значит, что Бог благословляет многожёнство как идеал. Бытие уже дало норму: мужчина прилепится к жене, и будут двое одна плоть. Двое, не трое и не четыре. Дальнейшие истории показывают, что отклонение от этой нормы приносит ревность, горечь и наследственные войны. Бог терпит людей в их искажённом мире, но терпение Бога не делает искажение добром.

То же относится к мужскому руководству. Библия описывает патриархальный строй как реальность и часто как часть Божьего порядка. Но она не оправдывает всякую мужскую практику внутри этого строя. Мужчина может быть главой и грешить как глава. Отец может благословлять и быть пристрастным. Муж может руководить и быть трусом. Старший брат может иметь преимущество и презреть его, как Исав. Власть в руках грешника не становится святой оттого, что сама структура верна.

Когда народ Израиля выходит из Египта, Бог снова действует через мужчину. Моисей не был единственным верным человеком в той истории. Его мать проявила мужество. Его сестра Мариам следила за корзиной на Ниле и потом стала пророчицей. Дочь фараона нарушила жестокий приказ и спасла ребёнка. Женщины в начале Исхода выглядят смелее многих мужчин. Даже повивальные бабки боятся Бога больше царя. Если кто-то хочет доказать, что Библия не замечает женской верности, пусть перечитает первые главы Исхода без спешки.

Но освободителем и законодателем поставлен Моисей. Не потому что женщины в истории Исхода слабы. Напротив, именно на фоне их силы выбор Божий становится ещё заметнее.

Бог не выбирает мужчину потому, что рядом нет достойных женщин. Он выбирает мужчину потому, что в устройстве Своего народа сохраняет мужское представительство и руководство.

При Моисее появляются старейшины. Когда тяжесть суда становится слишком большой, он не собирает смешанный совет из самых разумных людей обоого пола. Он ставит мужчин. Семьдесят старейшин получают часть духа, который был на Моисее. Они помогают не в мелкой канцелярии, а в управлении народом. Это не бытовая древность, а религиозно организованное руководство народа Божьего.

Но рядом с этим существует пророчество. И здесь женщины не исключены. Мариам названа пророчицей. Позже будут другие женщины, через которых Бог даст слово. Это различие между руководящей должностью и пророческим сообщением очень важно. Пророк, если говорит верно, передаёт слово Бога. Его власть не в личном положении, а в источнике вести. Поэтому женщина может пророчествовать, и мужчина обязан слышать Божье слово из её уст. Но это ещё не означает, что она занимает постоянное место управления мужчинами.

Многие не любят такое различие. Им кажется, что оно слишком тонкое. На практике всё проще и неприятнее: если женщина говорит Божье слово, почему она не может руководить? Но Писание именно так различает дары и порядок. Осёл Валаама сказал правду, но это не сделало его учителем Израиля. Юный Самуил передал страшное слово Илию, но тогда ещё не стал священником вместо него. Источник слова и устройство служения не всегда совпадают так, как нам удобно.

Судьи Израиля дают ещё более трудный материал. Среди них есть Девора. О ней любят вспоминать в каждом споре о женском руководстве, и понятно почему. Она пророчица, она судит Израиль, к ней приходят за решением споров, она призывает Варака на войну. На первый взгляд, вот оно, прямое доказательство, что женщина может руководить народом Божиим. Но текст тоньше.

Девора не изображена честолюбивой женщиной, которая захватила мужское место. Она названа женой Лапидофа и пророчицей. Она сидит под пальмой, и сыны Израилевы приходят к ней на суд. Это больше похоже на признание её пророческой мудрости, чем на учреждение обычной должности правителя. Когда приходит время военного действия, она зовёт мужчину, Варака, и передаёт ему повеление Господа. Он должен идти.

Варак не хочет идти без неё. Его ответ звучит благочестиво только на поверхности. На деле в нём слышится слабость. Девора соглашается, но предупреждает: слава победы достанется не ему, а женщине. И действительно, Сисара погибает от руки Иаили. Вся история не прославляет женское управление как норму, а обличает мужскую нерешительность. Когда мужчины не ведут, Бог может использовать женщин с великой силой. Но это не отменяет стыда мужчин.

В песне Деворы есть слова о начальниках Израиля, которые взяли руководство. Она радуется не тому, что женщины наконец заменили мужчин, а тому, что вожди в народе встали. Себя она называет матерью в Израиле. Это прекрасное слово. Мать не есть отец. Её влияние реально, её мудрость нужна, её смелость спасает, но образ остаётся материнским, а не отцовским. Девора не превращается в нового Моисея. Она стоит как пророческая мать в дни, когда мужская сила ослабла.

Эта история нужна нам сегодня. В церкви бывают времена Деворы. Мужчины молчат, женщины молятся. Мужчины прячутся за осторожность, женщины видят опасность. Мужчины ждут удобного момента, женщины уже готовы служить. Бог не оставляет Свой народ без помощи. Он поднимает женщин, которые говорят, действуют, поддерживают и иногда стыдят мужчин своей верностью. Но если из такого времени сделать постоянную норму, мы вместо покаяния мужчин получим богословское оправдание их отсутствия.

После судей приходит царство. И снова, если смотреть на порядок, царями Израиля становятся мужчины. Были народы с царицами. Библия знает таких женщин. Царица Савская

приходит к Соломону. Но престол Давида передаётся сыновьям. Обетование о доме, царстве и престоле связано с мужской линией. Мессия будет сыном Давида, а не дочерью Давида.

Это не значит, что женщины не влияли на царей. Иногда их влияние было разрушительным. Иезавель стала одним из самых страшных имён в истории Израиля, не потому что была сильной женщиной, а потому что использовала силу против Господа. Гофолия захватила власть и едва не уничтожила царское семя. Но были и женщины, через которых звучала верность. Олдама пророчица дала слово царским посланникам в дни Иосии. Её не обошли потому, что она женщина. К ней пришли, потому что через неё говорил Господь.

Опять то же различие. Пророческое слово женщины может направить царя. Но царская и священническая структуры остаются мужскими. Это раздражает нашу привычку мыслить категориями доступа: если Бог говорит через женщину, почему ей закрыта другая позиция? Библейский ответ не объясняет всё до конца. Он просто показывает, что Бог свободно даёт женщинам духовное слово, не разрушая мужское устройство руководства.

Священство особенно ясно. Сыны Аарона, не дочери Аарона, становятся священниками. Здесь невозможно сослаться только на политический обычай. Священство устроено законом, данным через Моисея. Оно связано с жертвенником, храмом, представлением народа перед Богом. Женщины в Израиле молятся, дают обеты, приносят жертвы, поют, плачут, радуются праздникам, учат детей, иногда пророчествуют. Но священническое служение у алтаря несут мужчины.

Можно сказать: теперь у нас Новый Завет, все верующие священники. Верно. Но всеобщее священство не отменило различий в церковном руководстве. Оно отменило закрытый класс посредников, без которых народ не может приблизиться к Богу. Женщина во Христе приходит к Отцу не через мужа и не через пресвитера как через жреца. Она имеет доступ к Богу. Но доступ к Богу и поставление на руководство собранием, разные вещи. Их постоянно путают, потому что церковь сама слишком долго смешивала священство и власть.

Когда мы читаем Закон Моисея, нас часто задевают различия между мужчинами и женщинами. Некоторые постановления кажутся тяжёлыми. Некоторые требуют объяснения, которого текст не даёт. Но надо помнить и другое: среди древних народов закон Израиля поднимал достоинство женщины. Он защищал жену от произвола, вдову от забвения, мать от презрения, пленницу от безграничного насилия. Он не был современным кодексом равных прав, но и не был языческим законом собственности в чистом виде. В нём уже слышно, что женщина перед Богом не вещь.

Отец в Израиле имел власть, но не абсолютную. Муж имел власть, но был ограничен Божиим законом. Царь имел власть, но пророк мог обличить его. Священник имел положение, но мог быть отвергнут Богом. Вся патриархальная система стояла под властью Господа. Там, где это забывалось, она превращалась в угнетение. Там, где это помнили, она могла стать порядком защиты и ответственности.

Особое место занимают вдовы. Библия постоянно говорит о них вместе с сиротами. Почему? Потому что вдова лишилась мужчины, который должен был защищать и обеспечивать. Современный читатель может услышать в этом унижение: будто женщина сама не человек. Но в мире, где физическая сила, земля, родовая защита и судебное представительство были решающими, потеря мужа означала реальную опасность. Бог не смеётся над этой опасностью. Он называет Себя защитником вдов.

Это показывает, как должна была работать мужская ответственность. Мужчина не был назначен главой, чтобы наслаждаться послушанием. Он был поставлен закрывать собой опасность. Если мужчина умирал, община должна была восполнить эту защиту. Закон о левиратном браке, забота о вдовах, право собирать остатки жатвы, всё это не унижение женщины, а признание того, что мужское руководство без защиты превращается в пустой титул.

Книга Руфь даёт мягкий, но очень сильный пример. В центре истории две женщины, Ноеминь и Руфь. Их верность, боль, смелость и разум ведут повествование. Руфь действует решительно. Она идёт в чужую землю, выходит на поле, принимает рискованный совет Ноемини. Но искупителем становится Вооз. Он не грабит у женщины её достоинство. Он защищает её, вводит в дом, восстанавливает имя умершего и становится звеном в линии Давида. Здесь мужская ответственность выглядит красиво, потому что она служит жизни.

Вооз не похож на человека, который боится сильной женщины. Он видит достоинство Руфи и называет её добродетельной. Он не унижает её бедность. Не пользуется её уязвимостью. Не прячется за формальностями, хотя соблюдает закон точно. Вот патриархальность в лучшем виде: мужчина с правом и силой использует их, чтобы восстановить, защитить и благословить. Если бы так выглядело мужское руководство чаще, многие современные возражения потеряли бы часть своей силы.

Но история Израиля показывает и обратное. Когда мужчины злоупотребляют властью, страдают женщины первыми. Дочь Иеффая платит за отцовскую безрассудную клятву. Наложница левита становится жертвой чудовищного мужского беззакония. Давид берёт Вирсавию, и даже если люди спорят о степени её участия, власть царя делает эту историю историей мужского злоупотребления. Амнон насилует Фамарь, а Давид не наводит правду в собственном доме. Библия не прячет эти ужасы. Она заставляет нас смотреть на них.

И вот тут надо сказать прямо: патриархальный порядок без святости становится особенно опасным. Когда власть дана мужчине, его грех ранит многих. Чем выше ответственность, тем больше разрушение при неверности. Поэтому библейская патриархальность никогда не должна быть романтизирована. Это не открытка с бородатым отцом у шатра. Это порядок, который требует страха Божьего. Без страха Божьего он быстро превращается в удобную систему для сильных и молчаливую боль для слабых.

Пророки постоянно обличают именно это. Они не требуют, чтобы Израиль отменил отцов, мужей, царей и священников. Они требуют, чтобы власть стала праведной. Чтобы вдову не теснили. Чтобы сироту не грабили. Чтобы князья не пожирали народ. Чтобы пастыри пасли овец, а не себя. Пророческая критика не разрушает порядок, а судит его носителей.

Это важно для церкви. Когда мы видим зло мужского руководства, у нас есть два пути. Первый, современный: отменить саму форму, потому что ею злоупотребляли. Второй, пророческий: обличить злоупотребление и вернуть форму к Божьему назначению. Первый путь кажется быстрее и добрее. Второй глубже. Он не щадит мужчин. Он требует от них большего, чем простая уступка места. Он требует покаяния, зрелости, мужества и жертвенной любви.

Если мужчина уступил место женщине просто потому, что не хочет нести ответственность, он не стал смиренным. Он стал удобным беглецом. Если церковь объявила все роли одинаковыми, потому что устала растить мужчин, она не стала более духовной. Она просто нашла организационное решение духовной болезни. Но болезнь останется. Женщины будут работать ещё больше, мужчины будут взрослеть ещё медленнее, а дети будут смотреть и понимать, что отцы в Божьем доме не обязательны.

История Израиля всё время говорит обратное: отцы обязательны. Не потому, что матери второстепенны. Матери часто спасают веру народа в самые тёмные дни. Но отец несёт знак, имя, дом, наследие, защиту и суд. Когда отцы исчезают, народ начинает шататься. Когда цари становятся детьми, пророк говорит об этом как о бедствии. Когда женщинами правят народом, это у Исаии звучит не как праздник освобождения, а как знак распада. Сегодня такая фраза кажется почти непроизносимой. Но она стоит в Писании, и честный читатель не должен делать вид, что её нет.

Конечно, кто-то скажет: это Ветхий Завет. Но Ветхий Завет был Библией Иисуса и апостолов. Они не относились к нему как к грубому черновику, который потом надо выбросить. Они видели в нём слово Бога, исполненное во Христе. Да, многое изменилось. Жертвы завер-

шены. Храмовый порядок исполнен. Обрезание не является входом для язычников. Но творческий порядок мужчины и женщины не был объявлен обветшавшим. Напротив, когда Новый Завет говорит о нём, он снова идёт к Бытие.

До прихода Христа в Израиле усилилась мужская религиозная монополия. Раввины часто не учили женщин. В храме были разделения. Мужская благодарность за то, что человек не родился женщиной, показывает, как легко порядок скатывается в презрение. К моменту Евангелия надо было не только подтвердить творческий порядок, но и очистить его от человеческого высокомерия. И именно это делает Иисус.

Но прежде чем перейти к Нему, надо закончить разговор о Ветхом Завете честно. В нём нет равной взаимозаменяемости мужского и женского руководства. Патриархи мужчины. Старейшины мужчины. Цари мужчины. Священники мужчины. Пророчество открыто женщинам, но пророческий дар не превращается в общее женское правление. Женщины участвуют в истории спасения не как тени, а как живые, верующие, сильные люди. Но руководство народа Божьего остаётся мужским.

Это не случайная линия на полях. Она проходит через весь текст. Её можно не любить. Её можно объяснять культурой. Можно пытаться смягчить. Но нельзя честно сказать, что Ветхий Завет не имеет такого направления. Он имеет. Вопрос только в том, считаем ли мы это направление временной уступкой или частью Божьего замысла, который в Новом Завете будет очищен, углублён и поставлен под крест.

Мне ближе второе. Не потому что история мужчин безупречна. Она ужасно небезупречна. Но Бог редко выбирает безупречный материал. Он выбирает глину и делает сосуд. Он выбирает Авраама, который боится. Иакова, который хитрит. Моисея, который отказывается. Давида, который падает. Петра, который отрекается. Мужское руководство в Библии не держится на превосходстве мужчин. Оно держится на Божьем назначении и Божьей милости к тем, кто должен отвечать больше, чем способен сам по себе.

Женская верность в Библии тоже не второстепенна. Сарра рождает сына обещания. Ревекка помнит слово. Лия, нелюбимая, становится матерью Иуды и Левия. Фамарь, странным и тяжёлым путём, сохраняет линию. Раав верит и принимает соглядатаев. Руфь прилепляется к народу Божьему. Анна молится, и её сын становится пророком, который помажет царей. Олдама говорит слово в час реформы. Без этих женщин история завета была бы непредставима.

Но именно потому, что они так важны, не надо делать из них то, чем текст их не делает. Чтить женщину не значит переписывать её роль. Иногда истинное уважение как раз в том, чтобы увидеть её библейскую силу, а не переодеть её в мужскую одежду. Раав велика не потому, что стала старейшиной. Руфь велика не потому, что стала царём. Анна велика не потому, что заняла место Илия. Их вера действует иначе, но не меньше перед Богом.

Сейчас нам трудно принять такое иначе. Мы привыкли измерять значение доступом к руководству. Кто не руководит, тот как будто менее важен. Это мирская мера, незаметно вошедшая в церковный разговор. По ней мать, молящаяся за сына, ниже учителя за кафедрой. По ней женщина, верно служащая бедным, ниже администратора. По ней тайная верность ниже публичной функции. Но Христос не так измеряет. В Его Царстве многие первые будут последними, а последние первыми. Поэтому спор о должностях часто показывает, насколько мало мы верим собственным словам о служении.

Патриархальный Ветхий Завет, если читать его со страхом Божиим, не даёт мужчине повода для самодовольства. Он даёт ему повод дрожать. Быть отцом в народе Божьем значит стоять под особым судом. Авраам должен учить дом хранить путь Господа. Илий осуждён за сыновей. Давид пожинает беды своего дома. Священники отвечают за нечистоту служения. Пастыри Израиля слышат через Иезекииля страшное обвинение: вы пасли себя, а не овец.

Где здесь место для мужского тщеславия? Его нет. Если оно появляется, значит, мужчина читает Библию плотью. Он увидел слово отец и пропустил слово ответ. Увидел глава и пропу-

стил отдам Себя. Увидел учить и пропустил будем судимы строже. Писание даёт мужчине не трон, а крест ответственности.

Женщина, читая Ветхий Завет, тоже может увидеть больше, чем ограничения. Она может увидеть, что Бог слышит Агарь в пустыне. Что Он защищает Лию в её нелюбимости. Что Он открывает утробу бесплодной. Что Он принимает молитву Анны, когда священник сначала понимает её неправильно. Что Он вплетает иностранку Руфь в линию Мессии. Что Он не считает женщин массовой в мужской истории. Человеческая культура могла делать их невидимыми, но Бог видел.

Именно это двойное видение надо сохранить. Бог видел женщин и действовал через них. Бог ставил мужчин руководить и отвечать. Если удержать обе правды, Ветхий Завет становится не оружием против женщин и не музейным примером древней несправедливости, а свидетельством о порядке, повреждённом грехом и всё же направляемом Богом к Христу.

Когда Христос придёт, Он не будет обращаться с женщинами так, как раввины, презирующие их способность учиться. Он не будет обращаться с мужчинами так, как будто их ответственность отменена. Он очистит и то и другое. Он покажет женщине достоинство, которое мужчины часто отнимали. И Он поставит мужчин перед такой мерой служения, от которой всякое самодовольное главенство должно умереть.

Вот почему путь через Ветхий Завет необходим. Без него мы неправильно поймём Иисуса. Мы решим, что Его доброта к женщинам была отменой порядка, хотя она была его очищением. Мы решим, что выбор двенадцати мужчин был уступкой культуре, хотя вся прежняя история готовила именно мужское основание народа. Мы решим, что Павел придумал своё учение из раввинской привычки, хотя он опирался на Бытие, Закон и апостольское понимание Церкви.

Народ отцов был не совершенным народом. Иногда он был упрямым, жестоким, неверным, глупым. Но через него Бог нёс обетование. Через его отцов, матерей, пророков, царей, священников, вдов, бесплодных, чужеземок и детей шла дорога к Сыну Давида. И когда мы спрашиваем о руководстве в народе Божьем, мы не имеем права вырезать из этой дороги неудобные участки.

Нам хочется начать сразу с наших вопросов. Можно ли женщине быть пастором? Можно ли ей учить мужчин? Можно ли возглавлять общину? Но Библия ведёт медленнее. Она сначала показывает отца, дом, наследие, завет, знак на мужском теле, старейшин, пророчиц, царей, священников, вдов, матерей, грехи мужчин, верность женщин. Она учит нас видеть не должность в отрыве от мира, а порядок Божьего народа во всей истории.

И тогда спор становится тяжелее, но честнее. Уже нельзя сказать: женщины в Библии молчали. Нет, они не молчали. Уже нельзя сказать: мужчины в Библии всегда правы. Нет, они часто неправы. Уже нельзя сказать: Бог безразличен к женской боли. Нет, Он снова и снова её слышит. Но также нельзя сказать: руководство в народе Божьем было открыто мужчинам и женщинам одинаково. Текст не позволяет.

Остаётся спросить, что с этим делает Новый Завет. Стирает ли он этот порядок, как временную тень? Или искупает его от греховных искажений и возвращает к началу? Ответ нельзя дать одним лозунгом. Его надо искать у Иисуса, а потом у апостолов. Но Ветхий Завет уже приготовил нас к одному: если Бог меняет такой глубокий порядок, Он скажет об этом ясно. Если не говорит, нам лучше не объявлять перемену от Его имени.

Пока же перед нами стоит народ отцов и матерей, где матери часто оказываются духовно зоркими, а отцы несут заветную ответственность. Народ, где женщина может быть пророчицей, судьёй в особом смысле, спасительницей, матерью царской линии, мудрой советницей, но где обычное руководство остаётся мужским. Народ, где Бог защищает женщин от мужского греха и одновременно не разрушает мужское представительство.

Это трудно принять только тем, кто считает равенство невозможным без одинаковости. Но Библия начинает с другого предположения. Равное достоинство может жить вместе с различным призванием. Совместное наследие может жить вместе с порядком ответственности. Женская сила может жить рядом с мужским руководством, не превращаясь в бунт и не становясь тенью. Мужское руководство может быть благом, если оно боится Бога больше, чем любит себя.

Последнее условие решает всё. Патриархальность без страха Божьего опасна. Но и равенство без страха Божьего не спасает. Грешники испортят любую систему. Поэтому Писание не даёт нам мечту о безошибочной структуре. Оно даёт Божий порядок и зовёт людей к покаянию внутри него. Мужчина должен каяться как мужчина. Женщина как женщина. Оба как люди перед святым Богом.

В следующем шаге мы увидим, как Иисус входит в этот мир. Он родится от женщины, будет назван сыном Давида, подчинится земным родителям, примет служение женщин, будет окружён учениками-мужчинами, откроет Себя самарянке, защитит грешницу, похвалит Марию у Своих ног и выберет двенадцать мужчин. В Нём милость к женщинам и мужское основание Церкви встретятся без противоречия. Но это уже следующий разговор.

Пока достаточно сказать: Ветхий Завет не даёт нам права презирать женщину и не даёт права отменить мужское руководство. Он обличает оба греха: мужскую тиранию и человеческую попытку стереть различие. Он показывает женщин, без которых история спасения стала бы немыслимой. И показывает отцов, через которых Бог ведёт завет, даже когда эти отцы нуждаются в милости не меньше тех, кем они должны руководить.

Если эту главу читать как защиту мужчин, она будет прочитана неверно. Скорее она является обвинением мужчинам. Народ отцов показывает не почётный ряд, а ряд ответственных людей, многие из которых проваливались именно там, где должны были стоять крепче. Авраам велик верой, но он не всегда велик мужеством. Иаков несёт избрание, но долго учится прямоте. Моисей кроток, но тоже срывается. Давид любим Богом, но его дом истекает последствиями его греха. Отцы нужны, но отцы нуждаются в спасении.

Если эту главу читать как уменьшение женщин, она тоже будет прочитана неверно. Женщины в истории Израиля не стоят в дальнем углу. Они часто оказываются в самом nerve повествования. Через них приходит жизнь, совет, укрытие, молитва, пророческое слово, милость. Они не занимают мужской ряд ответственности, но это не делает их служение декоративным. Бог не украшает историю женщинами. Он действует через них.

Беда нашего времени в том, что оно почти разучилось видеть величие без начальственного места. Всё измеряется правом решать за других. Но мать, которая сохраняет веру в доме, иногда делает больше для будущего народа, чем человек, подписывающий постановления. Вдова, которая молится, может быть духовно тяжелее целого совета пустых мужчин. Пророчица, которая говорит царю правду, не нуждается в короне, чтобы её слово было от Бога.

Именно потому, что служение женщины может быть великим без мужской должности, не надо превращать всякую женскую силу в довод против мужского порядка. Это бедная логика. Она как будто говорит: если женщина по-настоящему одарена, ей непременно надо дать мужское место. Но почему? Разве Бог так беден, что у Него есть только один способ признать дар? Разве Царство состоит только из тех, кто ведёт собрание? Тогда мы слишком мало поняли о теле Христовом.

В теле есть члены видные и невидные. Есть те, кто говорит, и те, кто несёт. Есть те, кто направляет, и те, кто поддерживает так, что без них направление стало бы пустым словом. Если глаз начнёт презирать руку, тело ослепнет в действии. Если рука начнёт завидовать глазу, тело станет неуклюжим. Мужчина и женщина в народе Божьем не повторяют друг друга. Они помогают друг другу быть верными.

Старый Израиль не был окончательным ответом. Он ждал Христа. Но ожидание Христа не делает его бесполезным для нашего вопроса. В нём уже видны линии, которые потом выйдут наружу в Евангелии и апостольских письмах. Равное достоинство перед Богом. Разное устройство служения. Женская пророческая и практическая сила. Мужская ответственность за руководство. Постоянная опасность мужского злоупотребления. Постоянная забота Бога о тех, кого мужской грех ранит.

Если держать все эти линии вместе, мы избежим двух глупостей. Первая глупость: говорить женщинам, что их дело только молчать и слушаться любого мужчины. Вторая глупость: говорить мужчинам, что их ответственность является устаревшей социальной ролью. Первая рождает рабство и горечь. Вторая рождает беспозвоночность и духовное сиротство. Библия не ведёт нас ни туда, ни туда.

Она ведёт к Христу. Но к Христу идёт не пустой человек без пола, рода, памяти и истории. К Нему идёт сын Авраама, сын Давида, рождённый от женщины, подзаконный, чтобы искупить подзаконных. В Нём история отцов и матерей не выброшена, а доведена до смысла. Поэтому прежде чем говорить, что Христос всё изменил, надо увидеть, что именно Он исполнил.

Сын Человеческий и женщины

Когда Иисус входит в историю, Он входит не в пустое место. За Ним стоит долгий ряд отцов и матерей, царей и пророков, священников и вдов, праведников и людей, о которых лучше было бы молчать, если бы Бог писал человеческие родословия по нашим правилам приличия. Но Евангелие от Матфея начинается с имён. И среди мужских имён там вдруг появляются женщины. Фамарь, Раав, Руфь, жена Урии, Мария. Это не украшение списка. Это напоминание, что Бог ведёт Свою линию не через чистую витрину человеческой добродетели, а через милость, которая не боится стыда.

Уже в родословии видно то, что потом станет яснее в земной жизни Господа. Женщина не исключена из истории спасения. Она не стоит за дверью, пока мужчины разговаривают о завете. Она в самой ткани этой истории. Иногда как праведная чужестранка. Иногда как женщина с тяжёлым прошлым. Иногда как та, через чью боль проходит грех царя. Наконец, как Дева, от которой родится Мессия.

Но родословие остаётся родословием Сына Давидова, Сына Авраамова. Христос приходит как Мужчина. Не как бесполой посланник и не как знак того, что пол теперь не имеет значения. Он рождается от женщины, но будет Сыном. Будет назван Иисусом. Будет обрезан. Войдёт в народ Израиля как мальчик, потом как муж. Это обстоятельство нельзя считать внешней случайностью. Если Бог открывал Себя как Отец, если Царь грядущего царства обещан как сын Давида, если Пастырь должен положить жизнь за овец, воплощение в мужском теле имеет богословский вес.

Здесь надо говорить аккуратно. Мужское тело Христа не означает, что мужчина ближе к Богу, чем женщина. Если кто-то делает такой вывод, он превращает воплощение в повод для гордости, а не для поклонения. Но и обратная осторожность не должна заставить нас говорить, будто Христос мог бы с тем же смыслом прийти женщиной. Евангелие так не говорит. Апостолы так не говорят. Церковь молится Отцу через Сына, а не через неопределённый символ человеческой религиозности.

И всё же первая человеческая близость к воплощённому Сыну дана женщине. Мария слышит благовестие. Она задаёт вопрос, принимает слово и говорит: да будет мне по слову твоему. В этом ответе нет пассивной пустоты. Это вера, послушание и мужество, если позволено так сказать о женщине. Она принимает на себя опасность, непонимание, возможный позор, боль будущего. В её утробе Слово становится плотью.

Протестантская осторожность часто сделала Марию почти невидимой. Католическое благочестие часто подняло её выше того места, которое даёт Писание. Между этими ошибками есть трезвая благодарность. Мария не является искупительницей. Она сама нуждается в Спасителе и радуется о Боге, Спасителе своём. Но она не случайная женщина при великом событии. Она первая говорит человеческое да тайне воплощения.

Иосиф тоже не лишний. Ангел обращается к нему. Ему поручено принять Марию, дать имя младенцу, защитить семью, уйти в Египет, вернуться, поселиться в Назарете. Его отцовство приёмное, но его ответственность реальна. Даже там, где зачатие происходит без мужчины, Бог не строит дом без мужского попечения. Это очень тонкая и важная деталь. Христос рождается от Девы, но растёт в доме, где есть праведный мужчина, умеющий слушать Бога и действовать без лишних речей.

В детстве Иисуса мы видим ещё одну сцену. Двенадцатилетний Отрок остаётся в храме. Мария говорит с материнской болью: мы с отцом Твоим искали Тебя. Ответ Иисуса звучит не грубо, но очень ясно: Мне должно быть в том, что принадлежит Отцу Моему. С этого момента начинается постепенное отделение Сына от земной материнской власти. Не презрение к матери. Не холодность. Но высшая верность Отцу.

Это отделение будет повторяться. В Кане Мария замечает нехватку вина. Иисус отвечает ей словами, которые трудно сделать мягкими до полной беззубости. Он не позволяет матери направлять Его мессианский час. Она понимает больше, чем кажется, и говорит слугам: что скажет Он вам, то сделайте. Мария не спорит, не давит, не требует. Она отступает туда, где вера женщины становится примером для всех слуг: слушайте Его.

Позже, когда мать и братья стоят вне дома и хотят говорить с Ним, Иисус не выходит немедленно как сын, подчинённый семейному требованию. Он говорит о тех, кто исполняет волю Отца: вот мать Моя и братья Мои. Это не отмена почитания родителей. Это расстановка царства выше кровной связи. Даже материнство Марии не даёт ей права управлять служением Сына.

Но на кресте Иисус заботится о ней. Он поручает Марию ученику. В час, когда Он несёт грех мира, Он не забывает земную обязанность сына. Здесь нет ни материнского владычества над служением, ни холодного отказа от матери. Есть порядок любви. Пока служение требует послушания Отцу, даже мать не может диктовать. Когда мать остаётся без защиты, Сын обеспечивает ей дом.

Так уже в отношении Иисуса к Марии видна та ясность, которую нам трудно удержать. Женщина может быть избранной, благословенной, верной, пророчески понимающей, ближайшей к тайне. Но её близость не превращается в руководство над Сыном. Мужчина может быть поставлен защищать, как Иосиф, и служить, как Иоанн у креста, не превращая защиту в господство. Христос очищает обе стороны.

Теперь посмотрим шире. Никто в Евангелиях не обращается с женщинами так, как Иисус. Он не говорит о них как о низшем разряде слушателей. Он не боится их присутствия. Он не строит святость на дистанции от женской боли. Он видит женщину, когда другие видят помеху, опасность или повод для подозрения.

Женщина с кровотечением касается края Его одежды. По закону её состояние делало её нечистой. Толпа теснит Иисуса, но Он останавливается ради тайного прикосновения. Он не даёт ей исчезнуть с исцелением в кармане и стыдом на лице. Он выводит её из скрытости, но не для позора. Дочь, вера твоя спасла тебя. Он называет её дочерью. Сколько лет она была для людей проблемой, телом с болезнью, женщиной, которую лучше не трогать? Христос возвращает ей не только здоровье, но и лицо.

В доме Симона фарисея женщина, известная грешница, плачет у ног Иисуса. Симон видит её прошлое и сомневается в пророческом достоинстве Учителя. Иисус видит её любовь и обличает хозяина. Он не делает вид, что греха не было. Он говорит о прощении. И снова женщина становится зеркалом, в котором мужчина религиозный, уверенный, приличный видит свою холодность. Христос не стыдится принимать женское покаяние перед мужским презрением.

С самарянкой у колодца Он разговаривает так, что удивляются даже ученики. Там сразу несколько границ: женщина, самарянка, запутанная брачная история, полдень, колодец, отсутствие свидетелей. Любопытный религиозный учитель обошёл бы эту сцену. Иисус входит в неё. Он просит пить, говорит о живой воде, раскрывает её жизнь, открывает вопрос поклонения и прямо говорит о Себе как о Мессии.

Эта женщина потом бежит в город и говорит людям. Многие приходят к Иисусу через её слово. Разве это не великое служение? Конечно. Разве Христос запретил ей свидетельствовать, потому что она женщина? Нет. Но разве эта сцена делает её апостолом, старейшиной или учителем церкви? Текст этого не говорит. Она свидетельствует о встрече с Мессией. Её слово зовёт людей к Нему. Это надо чтить, не превращая в то, чего там нет.

Марфа и Мария в Вифании показывают ещё одну сторону. Мария сидит у ног Иисуса и слушает Его слово. Это поза ученика. В культуре, где женщина легко могла быть оставлена в кухонной части жизни, Иисус защищает её право учиться. Марфа занята служением и раздра-

жена. Её забота понятна. Дом, гости, еда, усталость. Но Иисус говорит, что Мария избрала благую часть. Женщина не создана только для кастрюли, даже если кастрюля нужна. Она создана слушать слово Господа.

Эту сцену нельзя использовать против домашнего труда. Иисус ел приготовленную пищу. Он принимал служение. Проблема Марфы не в том, что она работала, а в том, что работа стала для неё мерой правоты и поводом командовать Христом. Она говорит: скажи ей, чтобы помогла мне. Иисус мягко, но твёрдо не даёт ей управлять ни Им, ни сестрой. Опять та же ясность: женское ученичество защищено, женское командование Господом отвергнуто.

Позже Марфа произнесёт исповедание, близкое к исповеданию Петра: Ты Христос, Сын Божий, грядущий в мир. Это не второсортная вера. Женщина понимает, Кто перед ней. Её слова входят в Евангелие как свидетельство. Но Христос не ставит её в число Двенадцати. Он принимает её веру, исправляет её тревогу, слышит её боль, открывает ей воскресение. Достоинство женщины не нуждается в апостольской должности, чтобы быть настоящим.

Женщины сопровождали Иисуса и служили Ему своим именем. Это тоже надо произнести без стеснения. Господь принимал практическую помощь женщин. Они не были просто слушательницами на краю толпы. Они участвовали в движении Его служения. Их средства, труд, присутствие, забота имели значение. Некоторые были исцелены от тяжёлых состояний. Благодарность стала служением.

Но Евангелия не говорят, что Иисус посылал женщин на проповеднические миссии так же, как Двенадцать или семьдесят. Не говорят, что Он поставил их судить Израиль. Не говорят, что Он включил их в круг тех, кому обещал сидеть на престолах и судить двенадцать колен. Мы должны видеть и то, что сказано, и то, что не сказано, особенно когда молчание согласуется со всей прежней историей.

Главный факт стоит перед нами просто: Иисус выбрал двенадцать мужчин. Не десять мужчин по синагогальному правилу. Не шесть мужчин и шесть женщин как знак новой эры. Не группу самых способных людей без различия пола. Двенадцать мужчин. Они стали основанием апостольского свидетельства. Их имена будут связаны с основанием Нового Иерусалима. Один из них предаст, один отречётся, остальные разбегутся. Выбор не был наградой за превосходство. Это было назначение.

Можно сказать, что Иисус уступил культуре. Но этот довод плохо подходит к Иисусу. Он нарушал человеческие религиозные ожидания слишком часто, чтобы объяснять Его выбор осторожностью. Он исцелял в субботу, касался прокажённых, ел с грешниками, говорил с самарянкой, обличал элиту, позволял женщине с плохой репутацией касаться Его ног. Если бы воля Отца состояла в том, чтобы положить женское и мужское апостольство в основание Церкви одинаково, трудно поверить, что страх перед обычаями остановил бы Его.

Можно сказать, что женщины негодились как свидетели по тогдашнему праву. Но Иисус первым явился после воскресения женщине и доверил ей весть для учеников. Значит, Он не считал женское свидетельство непригодным просто потому, что оно женское. Он мог использовать его там, где хотел. И именно поэтому выбор Двенадцати остаётся ещё более значимым. Женщина может первой услышать и передать весть о воскресении, но основание апостольского руководства остаётся мужским.

Мария Магдалина у пустого гроба стоит в особом свете. Её горе живое, почти беспомощное. Она думает, что тело унесли. Потом слышит своё имя. Раввуни. Она хочет удержать Господа, но Он посылает её к братьям. В этой сцене много чести. Женщина, из которой были изгнаны демоны, становится первой вестницей воскресения. Церковь должна помнить это всякий раз, когда ей хочется говорить о женщинах снисходительно.

Но и здесь надо быть точным. Иисус посылает её сообщить ученикам, а не заменить их. Она не становится главой апостолов. Её весть велика именно как весть. Христос жив. Он восходит к Отцу. Она несёт это слово тем, кто потом будет послан проповедовать миру. Если из

этой сцены делают доказательство женского апостольского управления, текст опять перегружают чужим спором.

В Евангелиях женщины часто оказываются вернее мужчин. Они стоят у креста, когда многие ученики скрылись. Они приходят ко гробу, когда мужская надежда почти мертва. Они служат, слушают, плачут, верят, иногда быстрее мужчин. Это не мелочь. Мужчинам надо читать эти страницы с красным лицом, а не с победной улыбкой. Двенадцать мужчин были выбраны, но это не значит, что они всегда выглядели лучше женщин. Часто наоборот.

И вот тут открывается важный принцип. Божье назначение не всегда совпадает с текущей степенью верности. Женщины у креста вернее. Но апостольское основание мужское. Это должно смирить обе стороны. Мужчина не может сказать: я поставлен, потому что я лучше. Нет, иногда ты хуже, трусливее, медленнее. Женщина не может сказать: я вернее, значит, порядок назначения должен измениться. Верность будет вознаграждена Богом, но она не всегда меняет установленную форму руководства.

Современному человеку это трудно принять, потому что он привык соединять право вести с личной компетентностью. Кто лучше справляется, тот и руководит. В бизнесе это часто разумно. В школе, больнице, мастерской тоже. Но церковь не является только организацией по выполнению задач. Она является домом Божиим, телом Христовым, народом, живущим от откровения. Здесь способность важна, но не она одна решает.

Христос не унижал женщин, когда не включил их в число Двенадцати. Он показал им больше уважения, чем религиозная культура вокруг. Он учил их. Исцелял. Принимал их служение. Защищал от мужской жестокости и высокомерия. Открывал им тайны. Доверял им вести. Но Он не разрушил мужской порядок основания. В Нём милость к женщинам и мужское руководство не спорят друг с другом.

Это особенно видно в том, как Иисус обращается с греховными мужчинами и женщинами. Женщину, взятую в прелюбодеянии, приводят к Нему как ловушку. Её грех становится инструментом мужской богословской игры. Где мужчина, с которым её взяли? Закон требовал ответственности обоих. Но перед Иисусом стоит только она. Это очень знакомая картина: женский грех выставлен, мужской грех исчез.

Иисус не оправдывает прелюбодеяние. Он говорит: иди и впредь не греши. Но перед этим Он разрушает лицемерный суд. Кто без греха, пусть первым бросит камень. Мужчины уходят один за другим. Женщина остаётся перед Единственным, Кто действительно без греха и имеет право судить. И Он не бросает камень. Здесь нет сентиментальности. Здесь праведность, которая не нуждается в чужой жестокости, чтобы оставаться праведностью.

Эта сцена должна была бы навсегда отучить церковь от избирательного негодования. Мужчины любят судить женщин за грехи, в которых сами участвуют. Община может сурово говорить о женской скромности и молчать о мужской похоти. Может требовать женского подчинения и не требовать мужской чистоты. Христос этого не терпит. Он ставит грешницу перед милостью, а обвинителей перед собственной совестью.

Но милость не отменяет слова: не греши. Вот где Христос отличается и от жестоких законников, и от мягких современных утешителей. Законники готовы убить человека ради нормы. Утешители готовы убить норму ради человека. Христос спасает человека и сохраняет истину. Поэтому Его отношение к женщинам нельзя присвоить ни грубому консерватизму, ни модному освобождению. Он выше обоих.

В другой сцене к Иисусу приходит хананейка, язычница, мать больной дочери. Его ответ сначала кажется суровым. Он говорит о хлебе детей и псах. Сегодня многие попытались бы немедленно извинить Его или объяснить так, чтобы убрать всякую резкость. Но женщина не уходит. Она принимает место, которое ей названо, и всё равно просит милости. Иисус хвалит её веру. О женщина, велика вера твоя.

Что здесь видно? Во-первых, женская вера может быть удивительно настойчивой. Во-вторых, Христос не боится разговора, в котором женщина отвечает Ему. Но, в-третьих, она не командует Им. Она просит. Её настойчивость не является бунтом. Она стоит в смирении, но смирение не делает её слабой. Нам часто кажется, что смирение и сила несовместимы. Эта женщина показывает обратное.

Матери приводят детей к Иисусу. Ученики мешают. Иисус негодует и принимает детей. Можно не заметить, что за детской сценой стоят женщины, которые понимают благословение лучше учеников-мужчин. В Евангелиях мужчины нередко охраняют доступ к Иисусу от тех, кого Он как раз хочет принять. Женщины, дети, слепые, больные, грешники. Мужская охрана святости часто оказывается препятствием для милости. Христос снова и снова ломает такую охрану.

Это важное предупреждение для мужского руководства. Мужчины, поставленные вести, могут начать закрывать двери, которые Господь открывает. Они могут принять свою осторожность за верность, свою брезгливость за святость, своё удобство за порядок. Если руководство не узнаёт сердца Христа, оно становится похожим на учеников, запрещающих детям подходить. Формально они рядом с Иисусом, фактически мешают людям прийти к Нему.

И всё же Христос не заменяет этих учеников женщинами, которые часто выглядят чутче. Он исправляет учеников. Это надо заметить. Плохое мужское руководство Он обличает, но не отменяет мужское апостольство. Он не говорит: раз вы так медленны, теперь Моими посланниками будут только женщины. Он учит мужчин быть другими. Это долгий путь, но именно он станет путём Церкви.

Тайная опасность современного церковного прагматизма в том, что он слишком быстро сдаётся. Мужчины не молятся? Пусть женщины ведут. Мужчины не учатся? Пусть женщины учат. Мужчины не берут ответственность? Назовём ответственными тех, кто уже всё делает. Это выглядит практично. Но Христос с Петром поступает иначе. Пётр хвастается, спит, отрекается. После воскресения Господь не говорит ему: ты окончательно испортил идею мужского пастырства. Он говорит: паси овец Моих.

Эта милость к падшему мужчине не унижает верных женщин у гроба. Она показывает, что призвание Петра держится не на его безупречности, а на слове Христа. Женщины были свидетелями воскресения. Пётр будет публичным пастырем и проповедником. Оба факта стоят рядом. Мы не должны сталкивать их лбами.

Иисус называл Бога Отцом. Это было не случайное удобство языка. Его молитва, учение, послушание, всё обращено к Отцу. Он учит учеников молиться: Отче наш. Не Мать наша, не Родитель наш, не Источник наш в безличном смысле. Конечно, Бог не мужчина в телесном человеческом виде. Бог есть Дух. Но открывается Он в отцовском имени, и Сын приходит как Сын. Если мы перепишем это ради удобства века, мы изменим не только грамматику, но и саму форму христианской веры.

Некоторые скажут: в Библии есть материнские образы Бога. Да, есть. Бог может сравнить Свою заботу с материнской. Иисус может говорить о желании собрать Иерусалим, как птица собирает птенцов под крылья. Но сравнение не равно имени заветного откровения. Мужчина тоже может сказать, что вынашивал мысль, родил дело, кормил его заботой, и никто не решит, что он стал матерью. Образы показывают теплоту и заботу, но не отменяют отцовского имени.

Это связано с нашей темой напрямую. Если Бог открывается как Отец, если Христос приходит как Сын, если Церковь является невестой, если апостолы основания мужчины, то мужское и женское в Писании несут смысл, а не только биологию. Современная религиозность хочет сохранить переживание Бога и убрать неудобные формы откровения. Но Бог не дал нам чистое переживание без формы. Он дал Сына, слова, имена, отношения, хлеб, чашу, крещение, тело, кровь, Отца и Духа.

Отношение Иисуса к женщинам разрушает женоненавистничество. Его выбор мужчин разрушает феминистскую взаимозаменяемость. Он не помещается в наши лагеря. Поэтому обе стороны пытаются взять у Него только удобное. Одни говорят: Он выбрал мужчин, значит, женщины пусть знают место. Другие говорят: Он говорил с женщинами, значит, все роли открыты одинаково. Обе фразы слишком бедны для Евангелия.

Христос говорит с женщинами так, как мужчинам надо учиться говорить: без похоти, без страха, без снисходительной улыбки, без грубости, без игры во власть. Он видит личность. Он называет грех грехом. Он даёт учиться. Он принимает служение. Он защищает от несправедливого суда. Он хвалит веру. Он доверяет весть. Вот мера для всякого мужского руководства в Церкви. Если оно не умеет так видеть женщин, оно не имеет права прикрываться именем Христа.

Христос выбирает мужчин так, что мужчинам тоже надо учиться дрожать. Он не выбирает сильных по мирской мерке. Рыбаки, мытарь, горячие головы, медленные ученики. Он живёт с ними, терпит их непонимание, обличает, посылает, восстанавливает. Мужское руководство рождается не из природного превосходства, а из ученичества у Мужчины, Который Сам полностью послушен Отцу. Мужчина, не находящийся под властью Христа, не должен удивляться, что его власть становится тяжёлой для других.

Здесь можно сделать практический вывод, хотя глава ещё не о практике. Церковь, желающая быть верной Иисусу, не должна выбирать между уважением к женщинам и мужским руководством. Если она выбирает только мужское руководство без уважения, она уходит от Иисуса к раввинской жесткости или простой мужской культуре. Если выбирает только уважение к женщинам через отмену мужского основания, она тоже уходит от Иисуса, только в другую сторону. Надо держать оба свидетельства.

Это труднее, чем присоединиться к лагерю. Лагерь даёт готовые слова, быстрых друзей и понятных врагов. Евангелие заставляет смотреть на Христа, Который постоянно поправляет наши удобные выводы. Он слишком свободен для консервативной трусости и слишком послушен Отцу для революционной самостоятельности. Он не боится женщин и не переделывает апостольское основание по требованию будущих споров.

Возможно, кому-то всё равно кажется, что выбор Двенадцати можно объяснить только историческим моментом. Но тогда надо спросить: почему после воскресения, когда новая эра уже началась, Иисус не меняет эту структуру? Почему Пётр говорит о замене Иуды именно мужчиной из тех, кто сопровождал Господа? Почему апостольское свидетельство продолжает идти через мужской круг, хотя женщины уже доказали свою верность у креста и гроба? Ответ нельзя получить из одного стиха, но направление ясно.

Надо признать, что Евангелия не дают нам церковного устава. Они не перечисляют должности и не отвечают на все вопросы общинной жизни. Но они показывают образ Господа. И этот образ не совпадает ни с женским молчанием за стеной, ни с полной отменой различий. Иисус возвращает женщине голос, лицо и ученичество. Иисус оставляет мужское основание руководства. Если мы честны, нам придётся жить с обеими истинами.

Эта двойственность видна даже в Пасхе. На Тайной вечере, где учреждается хлеб и чаша Нового Завета, присутствуют мужчины из числа Двенадцати. Женщины, которые служили Иисусу, в Иерусалиме были рядом, но Евангелия не помещают их за этот стол. Впоследствии хлеб и чаша будут для всей Церкви, мужчин и женщин. Но первый вечер Нового Завета проходит в мужском апостольском круге. Это не случайность, которую можно не заметить.

В Гефсимании Иисус берёт мужчин. Они засыпают. Женщины, может быть, не спали бы. Мы не знаем. Но знаем, что те, кто должен был бодрствовать, не бодрствовали. Иисус всё равно идёт к кресту. Мужская слабость не ломает Божьего плана, но и не снимает мужской ответственности. Пётр достаёт меч не там, где надо, и отрекается там, где надо было стоять. Так выглядит человек без креста: то слишком резкий, то слишком трусливый.

У креста женщины стоят. Это не романтическая деталь. Это верность в месте ужаса. Они не могли остановить казнь. Не могли победить Рим. Не могли объяснить ученикам богословие искупления. Они могли быть там. Иногда это больше, чем все слова. Мужчины, спорившие о том, кто больше, исчезли. Женщины, которые просто любили Господа, остались. Пусть всякий мужчина, любящий говорить о руководстве, долго помолчит перед этой сценой.

Но после этого воскресший Христос всё равно восстанавливает Петра. Не потому, что Пётр заслужил больше, чем женщины. Потому что Христос верен Своему назначению. Любишь ли ты Меня? Паси овец Моих. Три вопроса против трёх отречений. Пастырство начинается не с заявления о праве, а с раны покаяния. Если мужское руководство не прошло через собственное любить ли ты Меня, оно будет пасти себя, а не овец.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.